

А.2991с

184912.

ЛАХУТИ

из

САДОВНИК

ТАДЖИКГИЗ

Цена 1 руб.

V.N. Karazin Kharkiv National University

1

00632345

Л-299,1-с.

У Л А Х У Т И

САДОВНИК

КАПИТАН

РОДИНА РАДОСТИ

ПИСЬМО
КРЫМСКИХ ТАТАРОК
СТАЛИНУ

ДВА ОРДЕНА

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ЧЕРТОГ
ЛУНЫ

Т А Д Ж И К Г И З
СТАЛИНАБАД ЛЕНИНГРАД

Презент
ДНБ 1934

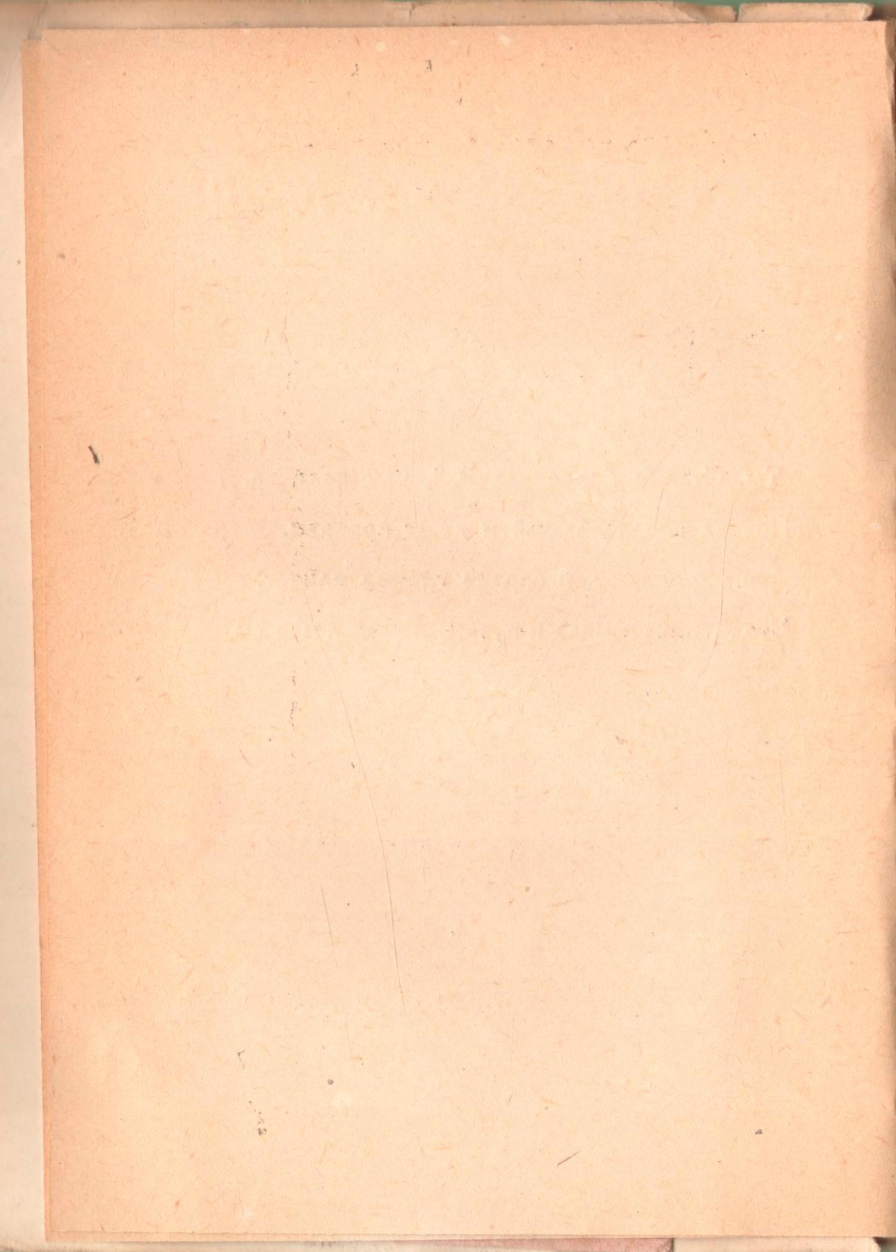
ПРОВЕРЕНО
ДНБ 1945

184912

Перевод с таджикского Ц. Бану

В О Ж Д Ю

Ты, Сталин, более великий, чем величье,
Познал сердца людей и душу красоты.
Душа моя поет, и сердце громко кличет,
Что Ленина и Знак и путь, — все дал мне ты.

САДОВНИК

Вождю. Товарищу. Сталину.

Жил садовник, испытанный мастер.
Много лет он со знанием и страстью,
Не жалея искусства и сил,
Виноградник любимый растил.
Эту мудрость его и умение
Даже враг признавал в изумлении:
Виноградник, возделанный им,
Из трущобы стал раем земным.
Каждый кустик украсил, убрал он,
Ветки во-время все подстригал он,
Неустанно и зорко глядел,
Чтобы лист ни один не желтел,
Не хирели чтоб юные лозы,
Чтобы их не губили морозы,
Чтоб янтарный живительный плод
Собирал в изобилии народ.

Шел однажды прохожий по саду.
Вдруг его удивленному взгляду
Виноградарь предстал вдалеке
С топором, занесенным в руке.
Опустился топор беспощадный, —
Рухнул ствол близ лозы виноградной.
Юн и пылок прохожий был тот,
Не стерпел он, рванулся вперед
И вскричал, возмущен и встревожен:
„Этот ствол ты срубил для чего же?
Или мудрость твоя — лишь слова?
Или ствол для тебя — что дрова?
Где причина жестокой расправы?
Здесь он высился не для забавы.
В шуме вихря, во мраке грозы
Он защитник был юной лозы,
Он опорой был винограду, —
Кто же рубит опору в награду?
Ты неправое дело свершил:
Не того этот ствол заслужил!“

Молвил мастер, в трудах закаленный:
„Не постиг ты, юнец ослепленный,
Цель поступков моих. Отчего ж
Ты одежды в отчаяньи рвешь?
Был не ствол он — подпорка простая,
В нем нуждалась лоза молодая,
Но теперь сам он корни пустил,

А лоза — вся в цветении сил.
Стал из друга врагом он жестокий,
Корни жадные тянутся к сокам,
Нагло грабят лозу на пути,
Не дают ей мужать и расти.
Удобренья и влаги немало
К тем корням от лозы уплывало.
Сам подпорку я здесь посадил,
Чтобы ветер лозу пощадил,
И теперь этот ствол сам я тоже
Для спасенья лозы уничтожу.
Ты любишь стройным стволом,
Но о корне не думаешь злом.
Из него вырастали побеги,
В безопасности, сытости, неге;
Под защитой надежной ствола
Разрастались они без числа,
Крали блага обильные сада, —
Между тем молодняк винограда
Тщетно влаги и солнца искал
И, хирея в тени, погибал.
Лишь побег я враждебный замечу,
Вмиг срубаю, бывало, для печи,
Но, глядишь, через несколько дней
Вырастает иной, посильней.
Эта злая и жадная сила
Из него, из ствола, исходила,
Так не лучше ли было в стократ

Ствол срубить и спасти виноград?
Веря в опыт мой, разум и рвенье,
Поручило мне сад население.
Здесь народную волю блюдя,
Ствол исторгнуть обязан был я.
Потекут винограду на благо
Соки свежие, чистая влага,
И лучи животворные все
Соберутся к спасенной лозе, —
Чтоб расти ей могучей и твердой,
Независимой, радостной, гордой.
Я ведь ствол не по злобе свалил,
Я лишь грозный недуг исцелил.
Подойди и взглядишь-ка поближе:
Здесь подпорок немало таких же,
Но корней не пустили они,
Мой покой не смутили они.
Мощь и стройность их глазу отрадны,
Милы сердцу, как сам виноградник.
Чтоб не вышли они из земли,
Чтоб не мокли в грязи, не гнили,
Я их чищу и холю безмерно,
Не нарадуюсь службе их верной,
Даже ствол этот, рухнувший здесь,
Им на пользу затрачу я весь.
Знай, мой друг, не свершу я ни шага,
Что не нес бы растениям блага“.

Смелый мастер, и в вихрь и в грозу
Коммунизма растящий лозу!
После Ленина ввысь неуклонно
Ты ведешь ильичовы колонны.
Ты, мудрейший из всех мудрецов,
Лучше каждого знаешь, без слов,
Что враждебного, чуждого люду
Здесь таится немало повсюду.
Было время, корыстных кротов
Привлекала приманка постов,
И друзьями они наряжались,
На измену они не решались.
Но от рабских избавившись пут,
Возмужал торжествующий Труд,
Как воскресший, встает из могилы.
Подымаются новые силы,
И на грудь кулаку батраки
Наступают едины, крепки,
И врагов обнажаются лица,
И от классовых битв не укрыться, —
Вот зачем в эти дни по местам
Не сидится корыстным кротам.
Чуют гибель свою паразиты,
Отовсюду рабочий грозит им.
Он железной рукою теперь
Сор и хлам выметает за дверь.
Эти люди в минувшую пору
Долю пользы давали, без спору,

Но сегодня, как ствол у лозы,
Стали жадны, враждебны и злы.
Восьмилетнего платье, известно,
Восемнадцатилетнему тесно.
Век наш радостен, мощен, широк,
Ум их узок, бессилен, убог.
Пролетарий же — вырос, созрел он,
Где друзья, где враги — разглядел он.
Мощь и мужество чуя в груди,
Сам берется он руководить,
Правит сам пролетарской рукою
Необъятной страной трудовой,
Но ему, вредоносны и злы,
Заграждают дорогу стволы.

Ураганов и гроз победитель,
Ленинизма великий учитель!
Чтобы сад обновленный труда
Миновала такая беда, —
От лица пролетарского рода,
От всего трудового народа
Занеси большевистский топор,
Над стволами сверши приговор!

КАПИТАН

Памяти Н. С. Аллилуевой

Ночной океан.
Жестокий шторм.
Валов мятеж,
отчаянье,
стон,
Рычаньем грома
и ливня напором
Грозится гибель
со всех сторон.

Сквозь бурю и ночь
со скоростью полной
Стремится корабль,
огромен, могуч.
Морскую грудь
бороздит он, как молния,
Быстро скользящая
среди туч.

Гроза все злее,
 корабль все тверже,
На нем команда,
 смелее грозы,
Насторожé,
 но готова без дрожи
Опасность встретить
 и отразить.

Стихии сломят ли
 силу эту?
Она с кораблем
 нераздельно слита,
И мощно очерченным силуэтом
На мостике высится
 Капитан.

В раздумьи жители
 шара земного
Пред мощью спокойной
 и твердой такой.
Кто он? Человек
 из плоти и крови,
Иль он из железа,
 иль он стальной?

Уже половина
 дороги опасной
Осталась у корабля позади.

В пути от тысячи бед он спасся,
Препятствий тысячи победил.

И вот издалека
берег забрезжил —

Свободы берег,
счастья страна.

Борцы на борту
наготове, как прежде,

Пред ними битва
еще не одна.

Без передышки
и днем и ночью

Корабль, осажден врагами, идет.
То справа

бешено волны клокочут,
То слева
ветер атаку ведет.

Напрасно пытается
снова и снова

Разрушить судно
стихий игра, —

То борется с ними
не чели рыболова,

Корабль-громада,
корабль-гора!

Имеет он мощный корпус титана,
Пред ветром не станет клониться он,

Имеет испытанного Капитана,
Мятежных волн не боится он.

Нашлись и робкие,
 козьи сердца,
От страха, от качки
 их затошнило.

Но большинство
 пошло до конца,
Полное доблести,
 знанья,
 силы.

Отчаялись волны,
 и мелкой зыбью
Отряд их главный
 отхлынул, разбит.
Вверху Капитан,
 как гора незыблем,
Не покачнувшись,
 не дрогнув, стоит.

Слабеет, гаснет
 и ветер упрямый,
Устал он бесплодно
 судьбу пытаться.

Свой гордый корабль
 к берегу прямо
Непобедимый
 ведет Капитан.

* * *

Внезапно море заволокло
Удушливым, зловещим туманом.
Корабль атакуется
 прямо в лоб
Неотвратимым,
 слепым ураганом.

Из черного облака —
 град и дождь.
Тот ливень — смерть,
 и град тот — нирвана.
Команда в тоске и тревоге ждет;
Удару подставлена
 грудь Капитана.

Секунда —
 град долетает, бьет,
И сердце берет
 ледяная хватка.
Не пал Капитан,
 но вздрогнул, и вот
Для всех раскрыта
 вождя загадка.

И тот, кто издали
 думал часто,
Что вылит сплошь
 Капитан из стали,

Что сталь эта
век холодна, бесстрашна,
Чужда человеческой любви и печали, —
Увидя дрожь этих плеч могучих,
Теперь лишь понял,
что правда не в этом,
Что Капитан —
это лучший из лучших
Носителей имени человека.

Трепещет и бьется в нем сердце живое,
Огонь и любовь его дух наполняют,
А то, что ты видишь, —
лишь воля героя,
Она — из железа,
она — стальная!

Такой Капитан,
несущий бережно
Любовь — как цветок,
волю — как сталь,
Корабль доведет,
доведет до берега,
Где край свободы,
где счастья стан!

РОДИНА РАДОСТИ

Новогодняя баллада

Ясный взгляд, и звонкий смех, и милый рот,
Песня на устах.
От ее дыханья оживет
Сам бездушный прах.
Кудри — мускус, губы — сахар, лик — светлей
Солнца в небесах,
Юный стан стройнее тополей.
Кто она?
Любовь? Весна?
Радость имя ей.

* * *

Шумя крылами, Радость пролетает
Над Мексикой и Явой, и Китаем,
Над сушей и водой судьбу пытается,
Над Западным и над Восточным краем,
Приюта ищет, но приюта нет.

Порхает Радость легче снов крылатых,
Заглядывает в пышные палаты
И шепчет: „Здесь притон воров богатых,
Отравлены здесь жизни ароматы.
Дышать зловоньем — Радости не след!

Как эти мне переступить пороги?
Здесь пятна, преступленья и пороки,
Здесь мир стяжання, мир слепой, жестокий.
Здесь люди чужды радости высокой,
Мой светлый лик никем тут не воспет.

Нет, дальше полечу я в мир безбрежный,
Найду, найду приют в нем безмятежный!
С моей ли чистотою белоснежной
Жить в этой черной яме безнадежной,
Куда не проникает солнца свет?“

И мчится Радость над Парижем, Римом,
Вот Греция, Балканы... Мимо, мимо,
Меж сёл и городов скользит незримо
И видит мрак тоски неутолимой
В глазах людей, на всем страданья след.

Нью-Йорк, трущобы Лондона, Парижа...
В раздумьи Радость: „Здесь друзей я вижу.
Душой бы рада к ним порхнуть поближе,
Да как тут быть? Я слезы ненавижу,
Я — Радость, что мне делать среди бед?

Прекрасны люди, да нуждой забиты,
Смелы, но без оружия и защиты,
К вершинам знания им пути закрыты,
В их жизни мига счастья не ищи ты...

В обитель горя не сойду я, нет!

Я солнца дочь — тут мрак и запустенье.

Я воли друг — тут плен и угнетенье.

Что Радость вам, безрадостные тени?

В объятья смерти не придет цветенье,

А я вся — жизнь, вся — юность, вся — расцвет!"

И снова Радость ввысь взлетает смело

На поиски желанного предела,

И с песней вот она в наш край влетела,

Остановилась, землю оглядела —

И ослепил ей очи яркий свет.

Глядит — цветут сады, поля, долины,

Послушны людям верные машины,

Повсюду песен рокот соловьиный,

Довольства, счастья светлые картины...

Эй, Радость, на какой ты из планет?

Куда ни глянет — труд, усилья, гений,

Куда ни станет — дружный гул селений,

Где ни порхнет — стальных орлов паренье...

И восклицает Радость в изумленье:

"Сильнее этой силы в мире нет!"

Ей солнце жарко локоны ласкало,
Пред нею на пиру вино сверкало,
И пела Радость нам под звон бокала:
„Клянусь, теперь я родину сыскала!
Здесь дом родной мой, здесь, в краю побед.

Тому, кто родину такую дал мне,
Тому, кто этот наливал бокал мне,
Тому, кто путь к народу указал мне,
Тому, кто первым цену угадал мне,
Тебе, о Сталин мой, тебе привет!..“

1935

ПИСЬМО КРЫМСКИХ ТАТАРОК СТАЛИНУ

1

Встает Республика весны,
Зимы деспотию свергает.
Войска морозов сражены,
И зелень юная сверкает.

В цвету, невестами стоят
Миндаль и сливы, и гранаты.
И птиц порхает мириад,
Весны почуяв ароматы.

Кому их звонкий, стройный хор
Поет восторг, любовь и славу?
Их гимны — солнцу, из-за гор
Всплывающему величаво.

Ему, чье дивное тепло
Им жизнь и счастье принесло,
Ему, чей луч для них отрада,
Поют хвалу питомцы сада.

Весны советской нет светлей,
И нет долин колхозных краше.
На небосклоне новых дней
Ты — солнце пламенное наше

В садах весенних, трудовых
Мы — звонкорадостные птицы,
И любо нам в лучах твоих
К вершинам славы возноситься.

Живи и здравствуй, вождь и друг!
О счастье после долгих мук,
О Крыме старом и о новом
Теперь послушай наше слово.

2

Поносят предков наших зло
За их разбойные набеги:
Татар немало полегло
Для ханской славы, ханской неги.

Телами их был путь мощен
От гор Тавриды до Варшавы,
Владыке золото и жен
Везли дорогой той кровавой.

Но чужеземки не одни, —
Татарских девушек немало
В гаремной гибельной тени
Свой черный жребий проклинало.

Реками кровь лилась в полях,
Пал хан под натиском России.
Сказал народ: „Велик аллах!
Теперь настанут дни другие“.

Но не добро тот день сулил,
Не пощадили нас тираны.
В дворец, где старый дьявол жил,
Вселились новые шайтаны.

Сел вместо хана русский царь
Народу нашему на спину,
И зажали рабы, как встарь,
Шепча проклятья господину.

Правитель, богатеи, мулла
На части горемык терзали,
А те, домой придя, со зла
И с горя женщин истязали.

Так угнетеннейший народ
Был наш суровый притеснитель,
Так униженнейший народ
Был наш угрюмый унижитель.

Мы — звезды жизни и труда,
Но блеск наш чистый, животворный
Окутывали дымкой черной
Заботы, рабство и нужда.

Не сыщешь в летописях след
От горестной судьбы татарок,
И ни один не пел поэт
Про нашу молодость и старость.

Когда ж на землю к нам ступил
Певец прославленный России,
Он в нашем прошлом различил
Лишь слез ручьи да кровь Марии.¹

5

И был опять грозой военной
Наш край однажды потрясен
Борцов повел в сражение Ленин,
И Крым от рабства был спасен.

И вот раскинулась по склонам,
Светла, цветуща и юна,
В уборе солнечно-зеленом
Преображенная страна.

Страна, где нет нужды и горя,
Страна, где угнетенья нет,
Где человек, с природой споря,
Немало одержал побед.

Горит он пылом трудовым,
Назваться первым ищет права.

¹ Героиня поэмы Пушкина „Бахчисарайский фонтан“.

Гремит недаром в мире слава
Про наш орденосный Крым.

А мы, вчерашние рабыни,
Теперь хозяйки тут всего,
И неразлучны с нами ныне
Машины, книги, мастерство.

Тут сотни героинь-ударниц
Весной выходят на поля.
Табак и виноград янтарный
Дарит им щедрая земля...

6

И если из Украины дальней
Мария¹ гостьей к нам придет,
Тот день, — тобой клянемся, Сталин, —
Как праздник встретит наш народ.

Где призрак пушкинской Марии?
Где душного гарема ночь?
Лучи победы озарили
Марию — сталинскую дочь.

Мария та в руках у хана
Терпеть училась и рыдать,
Мария эта нас, дехканок,
Стихию учит побеждать.

¹ Демченко.

Марию ту встречали местью,
Кинжала грозною игрой,
А нам обняться будет честью
С Марией, милою сестрой.

И если ту Марию славят
Фонтан печали, слез фонтан,
Мария эта нам оставит
Побед и счастья океан.

ДВА ОРДЕНА

I

1908—1909

1

Решт¹ притихший всколыхнулся весь:
От повстанцев о победе весть.
Мост Менджиль под войском не дрожит,
На Казвин перед нами путь открыт.
Счастья ночь сменила горя дни,
Всюду трубы, бубны и огни.
Сельский, городской толпится люд.
Где ни глянешь, пляшут и поют.
Но недолго ликовал народ.

¹ Решт — город в провинции Гилян, в Иране. Мост над рекою Менджиль и город Казвин лежат на пути между Рештом и Тегераном — столицей Ирана. В 1909 г. гилянские революционеры выступили в поход на Тегеран и, взяв столицу, свергли с престола шаха Мухаммед-Али. Лахуги — участник гилянской революции — описывает здесь один из действительных ее эпизодов.

Снова тяжкий страх сковал народ.
Покатился в бездну ночи див,¹
С синего коня луну стащив.
В небе волк зари кроваво-ал,
Разлучая звезды, пробежал,
Солнце сотней огненных клинков
Пронизало груди облаков.
В этот час умолк веселья звон,
Ожил грохот боевых колонн.
Но не шаха шли на нас войска,
Нам грозила наша же рука:
Стало у повстанцев с той зари
Вместо армии единой — три.
Словно злой колдун в проклятый час
На три лагеря раскинул нас.

2

Иноземных много пришлецов
С нами вместе шло в ряды борцов.
Курд, иранец, турок, армянин,
Дружно все сражались, как один.
Но клеветы шаха и царя,
На повстанцев злобою горя,
В их удаче видя смерть свою,
Мысля гибель им принести в бою,
Стали втайне против турков там
В уши петь Гиляна сыновьям:

¹ Д и в — дух, фантастическое существо.

„Турок — враг иранцу искони,
Не забыл он Чингис-хана дни,
Грабит он народ иранских сел.
Слышали? Теленка турок свел.
Этот в лавке учинил скандал,
Тот за баню ни гроша не дал.
Стерегите турка каждый шаг.
Всех врагов страшней — домашний враг.
Если нам накинёт он аркан,
Распростится с волей наш Иран!“
Про армян они твердили там:
„Ненавистен им святой ислам.
Что держать в повстанческих полках
Псов неверных с ружьями в руках?“
Те же слуги шаха и царя,
Об иранцах туркам говоря,
Злые распаляли в них мечты
Медом лести, ядом клеветы:
„Постыдись! Тебе ль, Чингиса рать,
Племя это жалкое подстать?
Честь нам надо львиную беречь.
В их руках — перо, но в ваших — меч.
Лишь поддайтесь хитрым ирани,¹
Вырвут меч из ваших рук они,
Руки ваши свяжут и гуськом
Поведут, как пленников, пешком.

¹ Ирани — иранец.

Во главе борьбы иранцу ль быть?
Власть иранцев туркам ли сносить?
Штык теперь вам нужен, не слова!
Пусть узнают, кто из вас глава".
Так средь персов, турок и армян
Наущений вражьих полз дурман.
На три армии Гилян разбит,
Три с одним названьем — моджахид.¹
Враг, шпион шныряют там и тут,
Ссоры, брань и злоба вслед ползут.
Спит базар, лица на людях нет,
Словно в траур город весь одет.

3

Обезумел я от этих дней,
Позабыл о голове своей.
Что кричал, как звал, — не помню я,
Но со мною вспыхнули друзья.
Мы винтовки наземь кинули.
Слезы пламенные хлынули.
На щеках их чуя жар еще,
Обнимали мы товарищей,
Говоря: „Не время враждовать!
За плечами вражеская рать.
Нам закон борьбы не то велит,
Шаху счастье наш разлад сулит.
Мы — борцы за трудовой народ,

¹ Моджахид — революционер.

Мы — рабочих и крестьян оплот.
Нам ли тут сражаться меж собой,
Помогать врагу своей рукой?
Родина от нас спасенья ждет,
Помощи, освобожденья ждет.
Мы же длим бессмысленный раздор,
Ей готовим рабство и позор.
Если против братьев кто-нибудь
Заронил сомненье в нашу грудь, —
Знайте, это сеть нам стелет так
Революции коварный враг.
Что предательскую слушать речь?
Голову ему рубите с плеч!
Братья, павших вспомните борцов,
Дряхлых матерей их и отцов.
Иль упасть им на закате дней
Под копыта шахских лошадей?
Об огне вражды, горящей тут,
Лишь царю и шаху донесут, —
Надлетят войска со всех сторон,
Будет стан свободы разорен,
Курд и турок, перс и армянин —
Всех постигнет тут конец один“.
Наша речь лилась, огня полна,
То сурова, то мягка, нежна.
Закипела в жилах братьев кровь,
Обнялись они по-братски вновь,
Покаялись, как существо одно,

Смыть вражды позорное пятно,
Свято охраняя дружбы нить,
Вместе биться, вместе победить.
Снова грянул ликования гром,
Все слилось в порыве огнем.
Развернув знамен пурпурный строй,
Тронулись бойцы стальной стеной.
Бомбометный двинулся отряд,
Конницы пошел за рядом ряд.
Мощных песен хлынула волна, —
Разные наречья, суть одна.
Много к нам в тот день влилось в ряды
Городской и сельской бедноты.

4

Шум и гам на площади большой,
Залита Мейдан-Сафи¹ толпой.
В этот день весь город пустовал,
Собрались на праздник стар и мал.
Пехотинцы, конный наш отряд
Стройно под знаменами стоят.
Посреди Мейдана двое нас,
Братьев духом, хоть и разных рас.
Черен друг мой. (К нам в Иран судьба
Занесла отца его — раба.)
Вздрогнул я, когда услышал вдруг
Издалека медный рокот труб.

¹ Мейдан-Сафи — площадь в Реште.

Показались всадники вдали,
Двое знамя красное несли:
Перс один был, турок был второй,
Их приветом дружным встретил строй.
Звонче конский цокот по камням,
Ближе, ближе командиры к нам.
Подскакали. Стали в трех шагах,
Ордена блестели в их руках,
И слова средь чуткой тишины
Прозвучали, гулки и ясны:
„Вам, поднявшим единенья стяг,
Вам — высокий Саттар-хана¹ знак,
Знак, которого почетней нет, —
Орден революции. Привет!“
Наклонились всадники с коней,
Миг — и орден на груди моей.
Где ты, друг орденоносный мой?
Помнишь ли тот знак, душе родной?
Накрест обнаженных два клинка,
Посреди — с винтовкою рука,
Выше, там, где стяга алый фон,
Смелый Саттар-хан изображен.
Орден тот работы был ручной,
Мог раздавлен быть рукой одной,
Но хоть весь он был картон и жесть, —

¹ Саттар-хан — вождь иранской революции
1907—1909 г.

Излучал он мужество и честь.
(Мне кусочек жести с той поры
Стал дороже золотой горы.)
В черный день, когда победа там
В руки к шахским перешла войскам,
Этот знак, бесценный, как душа,
Снял с груди я, в дальний путь спеша.
В саван из листовок положил
И под дубом старым схоронил.

II

1935—1936

1

В залах пролетарского дворца
Свет и стройность веселят сердца.
Там сегодня с утренних часов
Полон воздух гула голосов.
Там семи республик, ста племен
Люди собрались со всех сторон.
Что за люди? Лучшие борцы.
Что за люди? Славные творцы.
Посреди — правитель их земли,
Рядом — охранитель их земли,
Полководец армии труда,
Кем страна советская горда.
Вдруг, покоен и велик вошел...

Ты скавал бы, солнца лик вошел!
Вури счастья с мест людей снесла,
Гроном криков стены потрясла.
Волны радости росли, росли,
До неба вздымаясь от земли...
Сталин шел, как добродушный лев,
Взглядом огненным сердца согрев.
Кинулась любовь его обнять, —
Разум ей велел вернуться вспять.
Потекла беседа. Сотни лет
Не сотрется той беседы след.

2

Точно трель, что сыплет соловей
Над весенней розою своей,
Девичьи раздались голоса:
„Край наш — словно рощи и леса,
Буйно он и вширь и ввысь растет,
Как в цвету деревья — наш народ.
Этот лес одели мы листвою:
Солнцем нас зовите и весной!
Это мы в полях и за станком
Службу солнца и весны несем.
Лист весной родится свеж и чист,
И окрашен солнцем каждый лист.
Так в руках подруги хлопок мой
Тканью станет солнечно-цветной.
Я — колхозница, ткачихе друг.

Мы для родины, как пара рук.
Эти руки быстры и легки,
Им послушны трактор и станки.
Их еще мы сделаем быстрее
Для защиты родины своей“.

Девушек сменил герой другой —
Пролетарского Баку герой.
Молвил он: „Мы ленинцев семья,
До глубин подвластна нам земля.
Сердце ей сжимая вновь и вновь,
Черную наверх мы гоним кровь.
Заливает эта чернота
Морем света села, города.
Тело жизнь из алой крови пьет,
Кровью черной родина живет.
Страстная бурлит во мне мечта,
Ею грудь до края налита, —
Чтоб по жилам родины моей
Кровь неслась обильней и быстрее,
Чтоб ей быть в расцвете юных сил,
Чтоб ей верно каждый член служил,
Чтобы пламенный, могучий дух,
В ней горя, вовеки не потух“.
Третий молвил: „Чудо я свершил:
Телу родины прибавил жил.
Без дорог мертва была страна.
(Без артерий жизнь кому дана?)

Если кровь — товары, нефть, сырье,
Крови было много у нее,
Нехватало ей железных жил,
Чтоб разнести по телу кровь и пыл.
Молодость сумели мы вдохнуть
В каждый обветшалый, ржавый путь.
Поклялись мы жизни не щадить,
Чтобы жилы эти возродить.
И немало новых, крепких жил
Труд наш в тело родины вложил.
И сегодня кровь страны родной,
Мчась по жилам жаркою волной,
Свой размеренный свершает круг...
Позабыла родина недуг!
Много трудностей встречалось нам,
Много на пути зияло ям,
Через все переступили мы,
Натиск вражеский отбили мы.
Большевистский пыл в груди неся,
Железнодорожников семья
Шла за Кагановичем родным,
Перед кем препятствия — как дым,
Кто учил нас не дремать, не ждать,
Но хотеть, бороться, побеждать!
Речь завел один из львов-людей,
В чьих глазах синела даль морей.
„Я, — сказал он, — верный страж труда.
Я — огонь, хоть мать моя — вода.

Если через море кто-нибудь
К нам на берег вздумает шагнуть, —
Огнедышащих вулканов строй
Вознесем из глубины морской,
Морю запалать велим огнем,
Ад пред силой вражьей распахнем,
Горло сдавим ей со всех сторон.
Будь она хоть гидра, хоть дракон, —
Не увидеть ей себя живой,
Видеть ей — лишь прах могильный свой!“

Человек-орел вскочил, могуч,
Молнии быстрей, грознее туч.
Молвил он: „Над небом мы царим,
Ветер — конь, мы правим гордо им.
Тигры мы воздушной высоты,
Если ж воздух — море, мы — киты.
Пусть хоть феникс налетит на нас,
Здесь пробьет его последний час.
Не взойдет из пепла он живьем,
Прах его по ветру разовеет!“

Кто-то юный вышел: речь проста,
Но летит, как пламя, изо рта.
„Мы свободы верные сыны,
Пандырь и ограда для страны.
Через наш суровый частокол
Недруг ни один не перешел.
Если обернется враг огнем, —

Тучей став, обильный дождь прольем.
Тучей станет, — вихрем налетим,
Вздохом разметим ее одним.
Вихрем налетит на край родной, —
Станем на пути стальной стеной.
Зорко бдим над каждым рубежом,
Родины пределы стережем!“

Говорили на собраньи том
Водолаз, доярка, астроном,
Врач, шахтер, комбайнер и артист,
Агроном, писатель и танкист.
За героем проходил герой
Пред толпой внимательно-немой.
Выслушав их речи, Сталин вдруг
На меня взглянул: „Что скажешь, друг?
Там, на поле чести трудовой
Был и ты. Открой нам подвиг свой“. —
„Славься, вождь любимый! — молвил я. —
Над врагом победа будь твоя!
Семь республик, сто народов здесь
Принесли тебе победы весть.
Но о чем ни говорили тут,
Было ль то наука или труд,
Речь о розах шла иль о станках,
О колхозах или о полках,
Вспоминали Запад иль Восток,
Пар ли, электрический ли ток,

Урожай ли славили полей,
Души ль обновленные людей,
Исцеленье ли недугов злых,
Оживление ли племен немых,
Кто какие б речи ни твердил, —
Перед нами образ твой чертил.
Сам же, мастер несравненный, ты
Воплощаешь Ленина черты.
Слушай же: однажды поутру
Из Москвы я прибыл в Бухару.
В те года среди дальних горных сел
С басмачами бой упорный шел.
Край таджиков весь в огне пылал,
Каждый камень был от крови ал.
Вижу: Бухары закрыт порог,
Кроме неба, нет иных дорог.
Сотня караванов там стоит,
Рвутся в путь, но путь для всех закрыт.
Я добыл стальную пару крыл,
Стал орлом и в поднебесье взмыл,
Порываясь к делу и борьбе,
Прилетел я в город Дюшамбе.
По горам звучал победный шаг
Красных. Отступал разбитый враг.
Из басмачьей вырвавшись руки,
На ноги вставляли кишлаки.
Но еще преград был полон путь,
Время не настало отдохнуть.

Был один противник покорен, —
Враг иной теснил со всех сторон.
Старый враг, непримиримый враг —
Суеверье, фанатизм и мрак.
Вечно ум бесхитростный дехкан
Был тоской и страхом обуян.
Лицемерны, мстительны и злы,
День и ночь твердили им муллы:
„В судный день за каждый ваш порок
Милости испросит вам пророк.
Не страшны злодейство и разврат,
Знайте, лишь неверья страшен яд.
Грех роптать! Во всех своих делах
Мудр аллах, непогрешим аллах.
Это он богатым блага дал,
Это он нужду и гнет создал.
Заклинанье исцелит недуг.
Над женою властвует супруг.
Школа — мусульманским детям враг,
Счет — кощунство, цифры — адский знак.
Книга нам одна нужна — Коран.
У машин в груди сидит шайтан.
Поезд — это демонский осел.
Светопреставленья день пришел!“
Так муллы дурманили умы,
Так стонал народ во власти тьмы.
Я сказал себе: „Вот рвенья час.
Кровь, кипи! Настал кипенья час.

Пусть я слаб, разбит и изможден,
Но ведь я из ленинских колонн.
Не бежит от схватки боевой
Сталинской когорты рядовой.
Там не место думать о себе,
Где народу нужен друг в борьбе".
С места я вскочил, отвагой пьян,
Вновь для битвы опоясал стан.
Что твердил, как звал, — не помню я,
Но со мною вспыхнули друзья.
Небывалый завязался бой.
Меч в одной руке, перо в другой,
То в пути, то средь народных масс,
В день сраженья и в беседы час
Бились мы, подняв советский стяг,
Крепли, и слабел теснимый враг.
Ленинскою мыслью, как огнем,
Жгли мы лес обманов день за днем.
Выстроив на полках книг полки,
Знанию дверь открыли в кишлаки.
Тут и там сидел в засаде враг,
Нас встречая тысячей атак,
Но напрасно лил он злобы яд,
Не вернуло нас ничто назад.
Нам на всем пути суровом том
Партия твоя была щитом.
Помнишь ли былой таджикский край?
Пышно зрел там горя урожай,

А теперь, всех лучше знаешь ты,
Счастьем там колосья налиты.
Сто примеров рвутся на уста,
Но довольно одного из ста:
Девочка одиннадцати лет,
В чьих глазах я вижу счастья свет,
В чьих устах отважные слова,
Чья полна познаний голова,
Сталинский тебе вручила том —
„Ленинизм“ на языке родном.
Хоть двенадцатый всего ей год,
Тысячи таких взрастил народ.
Братьями, забыв вражду и плен,
Зажили таджик, узбек, туркмен,
И к себе их стран свободных ряд
Приковал всего Востока взгляд“.
Кончил я, на эти речи зал
Громом одобренья отвечал.
Встал Советов избранный глава,
Зазвучали мудрые слова.
Награжден Калинина рукой,
За героем проходил герой.
И меня приветом он почтил,
Орден Ленина и мне вручил,
И со мною рядом мастера
Тюркского, армянского пера
Ликовали, как и я, душой,
Осчастливлены наградой той.

И припомнил я далекий Решт,
Дни былых боев, былых надежд,
Друга взгляд и речи вспомнил я,
Знак недолговечный вспомнил я...
„Вот, — сказал я, — несравненный знак,
Революции нетленной знак!
Будущее мыслью вижу я,
Но дожить хотел бы сам до дня,
Как орлиным осенит крылом
Революция весь мир кругом.
Верю я, под старый дуб тогда
Приведет меня моя звезда...“
Пред глазами орден тот стоял,
Орден этот на груди сиял.
Узнавали всюду славный знак...
Тихо до дому дошел я так.
Мне навстречу выбежал мой сын,
Миновал ему лишь год один.
Сын (по имени Делир — герой)
Тут мне словно орден дал второй:
Крикнул он, едва успев взглянуть:
„Ленин!“ — и припал ко мне на грудь.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЧЕРТОГ ЛУНЫ

1

С детства я много по свету блуждал,
Много на свете диковин видал.

Сотни успел городов обойти,
Сотни народов встречал на пути.

Сказок наслушался про колдовство,
Про чудеса... Не припомнить всего!

Но не услышишь и сказки смелей
Повести этой правдивой моей:

2

Ехал я как-то недавней порой
В край отдаленный, но сердцу родной,

Ехал увидеть счастливый народ,
Мысли цветенье и техники взлет

Прибыл я, все навестил уголки,
Видел и новь и старья сорняки. . .

Вот, наконец, и последний район.
Лег против края афганского он.

Чудны луга и просторы его,
Воздух и воды, и горы его,

Блеска и чар эти выси полны.
Люди зовут их Чертогом Луны.¹

Мощь большевистская властвует тут,
Волен и дружен, и радостен труд.

Пала мечеть, и мектеб² возведен —
Прогнан от ясной Луны скорпион.

Там, где разлит был невежества яд,
Знание и техника мудро царят.

Через рубеж, до селений чужих
Тени упали от зданий больших.

3

В город усталого гнал я коня,
Гасли лучи уходившего дня.

¹ Чертог Луны — перевод таджикского названия района Сарай-Камар.

² Мектеб — школа.

Радостно, хоть и совсем изнемог,
К ночи вступил я в тот Лунный Чертог.

Вскоре, водой освежен ключевой,
Вышел взглянуть я на город ночной.

Странного много в ту ночь я встречал,
Странные лица везде замечал.

С виду был вечер, как все вечера,
Жизнь протекала, ровна и бодра.

Только на лицах, в движениях, в глазах
Виден был вихрь, затаенный в сердцах,

Виден был чувств несказанный наплыв —
Гордость, любовь, ожиданье, порыв...

Зрелище было подобное сну:
Буйный восторг у покоя в плену.

Звуки журчали таджикских речей...
В бледном сиянии лунных лучей

Люди толпились, беседы вели.
Вот что услышал я, стоя вдали.

4

Молвил один: „Про него говорят,
Будто имеет он огненный взгляд,

Ростом высок он, и плечи стройны,
Мощи, величья движенья полны.

Если бы впрямь заглянул он сюда,
Все б мы узнали его без труда.

Солнцу ли ясному скрыться от глаз?
Он ли пройдет невидимкой средь нас?—

„Ты, брат, наивен, — другой возразил, —
Знаешь ли сколько чудесных в нем сил?

Сто колдунов он за пояс заткнет,
Чары любые рукою смахнет.

Явится людям различных племен
В образе их соплеменника он.

Если к нему, что к отцу сыновья,
Многих народов сберется семья,

Речь его каждый на сборище том
Вдруг на наречьи услышит родном.

Все на земле письма на он прочтет,
Всякой загадке разгадку найдет.

Слухов немало слышал я о нем.
Вам наугад расскажу об одном.

5

В царское время однажды был он
Схвачен, закован, в тюрьму отведен.

К ночи начальник тюрьмы приказал
Узника бросить в угрюмый подвал,

Словно младенца, раздеть донага,
Плети принести, припасти батога,

Долго и яростно, до крови бить,
Жизни обрезать в нем крепкую нить.

Ночью жандармы толпою пришли —
Взяли, связали, в подвал сволокли,

Гвозди вбивали там в руки ему,
Злые придумали муки ему.

Вот уж потоками хлынула кровь...
Слушают: сердце не бьется. Готов.

Заперли дверь на замок и на крюк,
Утром явились — и обмерли вдруг.

Труп перед ними валялся попа:
Свой к ним добычею в руки попал!“

Выслушав этот чудесный рассказ,
Все зашумели, дивясь и смеясь.

Я же дивился сильнее других:
Кто он, герой приключений таких?

Так я бродил, ничего не поняв,
Думая: сон предо мною или явь?

Люди о ком тут рассказы ведут?
Что они ищут, кого они ждут?

6

Ночь пронеслась, но в Чертоге Луны
Все еще веяли прежние сны.

Улицу утром один подметал,
Что-то о „нем“ про себя бормотал.

Хлопок собирал, будто ветер, другой,
Глядя, не смотрит ли „он“, дорогой?

Женщина, стоя средь кучки людей,
Так говорила подруге своей:

„Тело с дороги разбито его,
Пылью одежда покрыта его.

Ах, если б только его разыскать,
Платье б могли мы ему постирать...“

Школьница с красным на шее платком
Шла, озираясь в волненьи кругом.

Всюду улыбки цвели на устах,
Всюду его лишь видали в мечтах.

В муке я: где ж тот единственный „он“,
Где тот волшебный, таинственный „он“?

Кто посетил этот Лунный Чертог,
Кто здесь парит как невидимый бог?

Тихо я шел, думы полон одной.
Вижу — знакомая дверь предо мной.
Больше не в силах терпеть и молчать,
Двери толкнул я, забыв постучать.

7

Партии встретил меня секретарь.
(С ним не однажды встречались мы встарь.)

Видя, что я возбужден, потрясен,
Стал о причине расспрашивать он.

Все, не таясь, рассказал я ему,
Все, что видал, описал я ему.

Сразу все чувства мои разгадав,
Он улыбнулся и молвил: „Ты прав.

Вижу я сам, что не сладко тебе.
Дай же открою разгадку тебе.

Жизнь по-иному, ты знаешь, пошла:
Новые люди, и дни, и дела...

Мы тут успели врага победить
И — загордились, не стану таить.

Зоркость и бдительность стали не те,
Закопошились враги в темноте,

Злобы плетя незаметную нить,
Стали колхозному делу вредить.

Я хоть и был тут главою всех дел,
Хитростей вражеских не разглядел.

Но прозорливый, отважный, стальной,
Друг наш, наставник, отец наш родной

Нам, хоть до нас ему путь и далек,
Во-время дал незабвенный урок.

Пишет он: „Враг пусть умерил свой шаг,
Все же он жив и попрежнему — враг.

Высохли если арыки до дна,
Тут не стихия виновна одна.

Если колхозный пылает кишлак,
Знайτε, тайком тут орудует враг.

Чтобы с врагом и стихией бои
Выиграть, знания умножьте свои!

Пусть побеждает, нова и смела,
Техника. Старое жгите дотла!“

В жизнь этот мудрый совет претворив,
Стал наш район и богат и счастлив.

8

Веришь? Он знает все наши труды,
Школы, ремесла, стада и сады.

Наши колхозы, один за другим,
Словно раскрытая книга пред ним.

Вот лишь вчера, осторожность забыв,
Начали мы раньше срока полив, —

Ныне, вчерашний наш грех разобрав,
Новый урок нам несет телеграф.

Все это ум не охватит простой,
Силы на то неостанет людской,

Вот отчего средь народа у нас
Сотни догадок гуляют подчас.

Сходятся все на сужденьи одном:
Либо есть сила волшебная в нем,

Либо, укрытый от взоров людских,
Сам в эти дни он живет среди них.

Понял ты наших людей, наконец?
Ищут „его“, „он“ же — Сталин-мудрец“.

9

В думу глубокую друг мой ушел.
Вдруг по лицу он рукою провел,

Глянул смущенно и тихо сказал
(Сам же улыбкою весь просиял):

„Хочешь, признаюсь во всем от души?
Только прошу, никому не скажи.

Я уж и сам призадумался раз
(Нет невозможного дела у нас):

Что, если вправду явился он сам
К нашим вблизи присмотреться делам?

Что, как, на время покинув Москву,
Нас навестил он, не в снах, наяву?

Право, я весь в ожиданьи теперь,
Что и в мою постучится он дверь“.

Выслушав этот заветный секрет,
Друга обнял я и молвил в ответ:

„Слушай признанья теперь и мои,
Только смотри, от чужих утай.

Знай же: догадки людские верны.
Здесь он, у вас он, в Чертоге Луны.

Вместе со мною, от башен Кремля
Ехал увидеть он ваши поля.

Утром и днем, и порою ночной
Был он в пути неразлучен со мной.

Новые силы мне в сердце вливал,
Думы высокие мне навесал“.

СОДЕРЖАНИЕ

Садовник	5
Капитан	11
Родина радости	17
Письмо крымских татарок Сталину	21
Два ордена	27
Путешествие в Чертог Луны	45

184912

Оформление
М. В. Ушакова-Поскочина

Ответствен. ред. Зингер Г. И. Техн.
ред. А. Николаев. Подписано в пе-
чать 27/VIII 1937 г. Тираж 50.000
экз. Таджглавлит № А-814. Печ.
л. 13 $\frac{1}{4}$. Бум. л. 7 $\frac{1}{8}$. Зак. № 893.
Форм. бум. 70×108 $\frac{1}{32}$. Отпечатано
с матриц в 4-й тип. ГОНТИ НКТП
СССР «Красный Печатник». Ленин-
град, Международный пр., № 75-а.

